

Книжки недели 1897, январь.

Из русских изданий.

Мас. №1532

296

книжки недели.

типичный инженер. Наконец, въ рассказъ Вас. Ив. Немировича-Данченко «Удача», въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», художникъ Костцовъ «опозорилъ себя подлымъ успѣхомъ», «безъ всякой борьбы самъ побѣждалъ» на-встрѣчу «требованіямъ растлившагося общества». Его картина приноситъ ему деньги и славу и отталкиваетъ отъ него честныхъ людей. Но художникъ во-время убѣждается въ томъ, что онъ сдѣлалъ ложный шагъ, ѣдетъ на выставку, гдѣ выставлена его картина, и рѣжетъ ее ножомъ... И это тоже едва-ли типичный художникъ нашего времени... Небольшія выдержки, взятая изъ трехъ первыхъ повѣстей, отчасти характеризуютъ манеру ихъ авторовъ: какъ видитъ читатель, приведенныя мѣста нѣсколько напоминаютъ «прологи» старинныхъ драматическихъ произведеній, вкратцѣ объясняющіе, что означаетъ то-то и то-то въ произведеніи, имѣющемъ быть разыгранымъ на сценѣ. У г. Немировича-Данченко этой манеры нѣтъ...

«Чайка» г. Чехова, о которой такъ много говорили по поводу ея перваго представленія, напечатана въ «Русской Мысли». Въ пьесѣ—все та-же классическая праздная, пустая и бессмысленная жизнь, какая изображалась въ старыхъ классическихъ русскихъ комедіяхъ, но въ одномъ вариантѣ комедіи несомнѣнно уползъ далеко впередъ со временъ гоголевскаго «Ревизора». Бобчинскій просилъ Хлестакова передать въ Петербургъ «всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ», «что вотъ, ваше сіятельство или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій»,—и только. Въ новой комедіи терзанія тщеславія, мучительная жажда извѣстности, «проклятая слава» наполняютъ всѣ помыслы дѣйствующихъ лицъ, калѣчатъ ихъ нравственно, гвоздять сверлять имъ сердца. Точно близится время, когда на свѣтъ должна остаться, какъ въ пьесѣ героя «Чайки», декадента Треплева, одна міровая душа, въ которой соединятся души Наполеона, Шекспира и послѣдней пьявки, и міровой душѣ становится страшно, что ея некому будетъ слушать, некому будетъ обратить на нее вниманіе,—всѣ эти атомы ея спѣшатъ чѣмъ-нибудь заявить о себѣ, вызвать вниманіе къ своей особѣ. Нервы Треплева взвинчены извѣстностью его матери, актрисы Аркадиной. «Бывало, рассказываетъ онъ, у нея сидятъ въ гостяхъ

сплоснь все знаменитости: артисты, писатели, и между ними только одинъ я—ничто, и меня терпятъ только потому, что я ея сынъ. Кто я? Что я? Вышелъ изъ третьяго курса университета по обстоятельствамъ, какъ говорится, отъ редакции независящимъ, никакихъ талантовъ, денегъ ни гроша, а по паспорту я—кіевскій мѣщанинъ». Онъ страдаетъ отъ такого униженія, пишетъ декадентскія пьесы, полагая, что «новыя формы» принесутъ ему славу, и только передъ своимъ печальнымъ концомъ убѣждается, что «дѣло не въ старыхъ или новыхъ формахъ, а въ томъ, что человѣкъ пишетъ не думая ни о какихъ формахъ, пишетъ потому, что это свободно льется изъ его души». Аркадина помѣщена на своемъ артистическомъ тѣлеславіи. «Попробуй похвалить при ней Дузе! Ого-го! Нужно хвалить только ее одну, нужно писать о ней, кричать, восторгаться ея необыкновенной игрой»... Молодая дѣвушка Инна Зарѣчная готова отдать все «за такое счастье, какъ быть писательницей или артисткой», но зато она «ужь потребовала-бы славы, настоящей, шумной славы... Голова кружится... Уфы!» Даже отживающій старикъ Соринъ, жалѣя о прожитой жизни, не можетъ забыть, что въ молодости онъ хотѣлъ сдѣлаться литераторомъ и не сдѣлался. «И маленькимъ литераторомъ быть пріятно въ концѣ концовъ», замѣчаетъ онъ. Даже ничтожный Шамраевъ, управляющій имѣніемъ, на каждомъ шагѣ спѣшитъ заявить, по крайней мѣрѣ, о своей близости къ артистическому міру: вспоминаетъ то Пашку Чудина, который «игралъ лучше Садовскаго», то актера Суздальцева, съ которымъ «мы вмѣстѣ пивали», то трагика Измайлова, сказавшаго однажды вмѣсто «западню»—«запендю». Но что же даетъ тревожащая спокойствіе всѣхъ этихъ умныхъ и глупыхъ людей «проклятая слава»? Предметъ ихъ поклоненія, знаменитый писатель Тригоринъ, рассказываетъ о себѣ: «День и ночь одолеваетъ меня одна неотвязчивая мысль: я долженъ писать, я долженъ писать, я долженъ писать... Едва кончилъ повѣсть, какъ уже почему-то долженъ писать другую, потомъ третью, послѣ третьей—четвертую,—пишу непрерывно, какъ на перекладныхъ, и иначе не могу. Что же тутъ прекраснаго и свѣтлаго, я васъ спрашиваю? О, что за дикая жизнь! Вотъ я съ вами, я волнуюсь, а между тѣмъ, каждое мгновеніе помню, что меня въ комнатѣ ждетъ неоконченная повѣсть. Вижу вотъ облако, похожее на роаяль.

Думаю: надо будетъ упомянуть гдѣ-нибудь въ разсказѣ, что плыло облако, похожее на рояль. Пахнетъ гелиотропомъ. Скорѣе мотаю на усь: приторный запахъ, вдовій цвѣтъ, упомянуть при описаніи лѣтняго вечера! Ловлю себя и вась на каждой фразѣ, на каждомъ словѣ и спѣшу скорѣе запереть всѣ эти фразы и слова въ свою литературную кладовую: авось пригодятся! Когда кончаю работу, бѣгу въ театръ, или удить рыбу, тутъ-бы и отдохнуть, забыться,—анъ нѣтъ, въ головѣ уже ворочается тяжелое чугунное ядро—новый сюжетъ, и уже тянется къ столу и надо спѣшить опять писать и писать. И такъ всегда, и нѣтъ мнѣ покоя отъ самого себя, и я чувствую, что съѣдаю собственную жизнь, что для меда, который я отдаю кому-то въ пространство, я обираю ниль съ лучшихъ своихъ цвѣтовъ, рву самые цвѣты и топчу корни. Развѣ я не сумасшедшій? Развѣ мои близкіе и знакомые держатъ себя со мной какъ со здоровымъ? «Что пописываете? Чѣмъ насъ подарите?» Одно и то-же, одно и то-же, и мнѣ кажется, что это вниманіе знакомыхъ, похвалы, восхищеніе, что все это обманъ, меня обманываютъ какъ больного, и я иногда боюсь, что вотъ-вотъ подкрадутся ко мнѣ сзади, схватятъ и повезутъ, какъ Поприщина, въ сумасшедшій домъ. А въ тѣ годы, въ молодые, лучшіе годы, когда я начиналъ, мое писательство было однимъ сплошнымъ мученіемъ». На почвѣ отчасти болѣзненнаго самолюбія и тщеславія, отчасти инертности среды и неясныхъ стремленій молодыхъ людей къ идеалу, разыгрывается драма или комедія, какъ называлъ свою пьесу г. Чеховъ. Нина Зарѣчная, готовая полюбить Треплева, вдругъ охлаждаетъ къ нему. «Это началось съ того вечера, когда такъ глупо провалилась моя пьеса, объясняетъ Треплевъ:—женщины не прощаютъ неуспѣха». Имя Тригорина привлекаетъ Нину, какъ огонекъ бабочку. Онъ непрочъ отъ юной любви, съ сохраненіемъ старой связи съ Аркадиной, которую онъ старается убѣдить, что нельзя-же бѣжать отъ любви, когда она манитъ, и удивленъ, что Аркадина не можетъ понять его. Нина гибнетъ, какъ чайка, которую Треплевъ подстрѣлилъ отъ нечего дѣлать и бросилъ. Брошенная Тригориннымъ, Нина поступаетъ на сцену, добивается успѣха, но жизнь ея разбита. Въ послѣднемъ дѣйствіи она снова встрѣчается съ Треплевымъ, послѣ двухъ лѣтъ скитаній съ театральными труппами. Треплевъ все

еще любить ее, но она не можетъ забыть Тригорина. Очень поэтиченъ монологъ, въ которомъ она сознается въ этомъ Треплеву и который она оканчиваетъ тѣмъ, что обвиняетъ порывисто Треплева и убѣгаетъ. А онъ, съ своей надломленной душой, живущій «въ хаосѣ грезъ и образовъ, не зная, для чего и кому это нужно» и въ чемъ его призваніе, уходитъ, чтобъ застрѣлиться. Мы привели только нѣкоторыя частности, характеризующія литературно-артистическую среду, интересныя въ произведеніи г. Чехова, какъ его личныя наблюденія. О самой же пьесѣ, объ ея идеѣ и впечатлѣніи, производимомъ ею на сценѣ, читатели уже могли составить мнѣніе изъ статьи «Мысли и встрѣчи» въ № 43 «Недѣли» за минувшій годъ.

С. В. Максимовъ рассказываетъ въ «Русской Мысли» о началѣ артистической и литературной дѣятельности Горбунова, съ которымъ онъ былъ связанъ многолѣтней дружбой, закрѣпившейся, «по русскому обычаю», «кумовствомъ и сватовствомъ». Горбуновъ, отличавшійся необыкновенною скромностью, былъ, однако-же, сразу оцененъ Островскимъ и молодой редакціей «Москвитянина», которые постарались сдѣлать все, чтобы дать ходъ этому своеобразному таланту. И все-таки прежде чѣмъ поступить на александринскую сцену, Горбунову пришлось пройти «мимо многихъ мытарствъ и натолкнуться на серьезныя препятствія со стороны тогдашняго директора театровъ Геденова. Привелось, между прочимъ, выслушать отъ него нелѣпое, въ чиновничьемъ вкусѣ, предложеніе поступить предварительно сцены въ театральное училище». Наиболѣе типичнымъ лицомъ въ воспоминаніяхъ г. Максимова является знаменитый московскій актеръ Садовскій, великій комикъ на сценѣ, а въ частной жизни человѣкъ молчаливый и сосредоточенный. Онъ принялъ самое горячее участіе въ Горбуновѣ и послѣ дебюта его на московской сценѣ сталъ совѣтовать ему: «Вамъ непремѣнно-съ надо ѣхать въ Санктъ-Петербургъ. Тамъ вамъ будетъ лучше, и объ этомъ слѣдуетъ всякими способами стараться». Самъ онъ не любилъ Петербурга, упорно отказывался перейти на александринскую сцену, а когда, по требованію начальства, долженъ былъ явиться туда на гастроли, то, поселившись въ меблированныхъ комнатахъ, въ Толмазовомъ переулкѣ, почти никуда не ходилъ, кромѣ театра, Петербургомъ не интересовался и

(5/н)